

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «КИМ против РОССИИ»

(Жалоба № 44260/13)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

17 июля 2014 года

Настоящее постановление вступит в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Ким против России»

Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Изабелла Берро-Лефевр, *Председатель*,
Ханлар Гаджиев,
Мирьяна Лазарова Трайковска,
Юлия Лаффранк,
Пауло Пинто де Альбукерке,
Эрик Мос,
Дмитрий Дедов, *судьи*,

и Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,

проведя 24 июня 2014 года заседание при закрытых дверях,
выносит следующее постановление, утвержденное в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано по жалобе (№ 44260/13) против Российской Федерации, поданной в Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») Кимом Романом Анатольевичем (далее — «заявитель») 21 июня 2013 года.

2. Интересы заявителя представляли Ю. Серов и О. Цейтлина, адвокаты, практикующие в г. Санкт-Петербурге. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, в частности, что он находился в Центре содержания иностранных граждан слишком долго, в бесчеловечных и унижающих достоинство условиях, и что у него не было возможности добиться судебного пересмотра вопроса о содержании в Центре содержания иностранных граждан.

4. 30 августа 2013 года жалоба была коммуницирована Властям.

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

5. Заявитель, 1962 года рождения, родился в Советском Союзе в Узбекской ССР. С 1990 года он проживает в Российской Федерации в г. Санкт-Петербурге. Судя по всему, после распада СССР он не принял никакого гражданства.

А. Процедура высылки

6. 19 июля 2011 года заявитель был остановлен сотрудниками полиции с целью проверки документов; при этом выяснилось, что он не имел при себе документов, удостоверяющих личность. В тот же день судья Сестрорецкого районного суда г. Санкт-Петербурга признал его виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (нарушение режима пребывания в Российской Федерации), оштрафовал его на 2 000 рублей и вынес постановление о его выдворении за пределы Российской Федерации. Суд постановил, что до момента его выдворения заявитель должен был содержаться в специальном учреждении временного содержания иностранных граждан.

7. Заявитель, который не имел при себе паспорта или других документов, удостоверяющих личность, был допрошен сотрудниками Федеральной миграционной службы (ФМС), которые также взяли у него отпечатки пальцев. Он сообщил им, что родился в г. Ташкенте, и что до его приезда в Россию он был зарегистрирован по месту жительства в Ташкентской области.

8. 30 ноября 2011 года директор специального учреждения временного содержания иностранных граждан направил в Посольство Республики Узбекистан запрос о выдаче проездных документов (свидетельств о возвращении) тринадцати лицам, включая заявителя, указав, что они являются гражданами Узбекистана. Ответа не последовало.

9. Другие аналогичные запросы, направленные 10 февраля, 29 марта, 31 июля и 11 ноября 2012 года, Посольство Республики Узбекистан также оставило без ответа.

10. 7 июня 2012 года адвокат заявителя направил в Посольство Республики Узбекистан в Российской Федерации запрос о наличии у заявителя гражданства Республики Узбекистан и возможности его высылки в данную республику. Ответа не последовало.

11. В тот же день адвокат направил в ФМС запрос о предоставлении информации, в котором просил сообщить ему, какие меры были приняты с целью выдворения заявителя за пределы Российской Федерации, была ли установлена его личность, и почему заявитель провел в заключении уже больше одиннадцати месяцев. В ответ ФМС отказалась предоставить ему какую-либо информацию, сославшись на закон о защите персональных данных.

12. 14 ноября 2012 года адвокат обратился в Сестрорецкий районный суд с заявлением о прекращении исполнения постановления о выдворении от 19 июля 2011 года. Он указал, что его исполнение невозможно, поскольку узбекские власти не примут заявителя, не являющегося гражданином данного государства.

13. 10 декабря 2012 года судья Сестрорецкого районного суда отклонил указанное заявление, не заслушав стороны и заявителя. По мнению судьи, непринятие мер по выдворению заявителя не являлось основанием для прекращения исполнения постановления о выдворении. Адвокат подал жалобу, ссылаясь, в частности, на отсутствие периодического судебного пересмотра вопроса о содержании заявителя в Центре содержания иностранных граждан в нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции, а также на отсутствие особого усердия со стороны органов государственной власти при осуществлении процедуры высылки вопреки требованиям подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции. 14 марта 2013 года судья Санкт-Петербургского городского суда вынес решение об оставлении жалобы заявителя без удовлетворения после ее рассмотрения в порядке упрощенного производства.

14. Адвокат также попытался оспорить помещение заявителя в Центр содержания иностранных граждан, ссылаясь на незаконность такого заключения. Определением от 26 ноября 2012 года Красносельский районный суд г. Санкт-Петербурга отклонил жалобу адвоката, постановив, что решение от 19 июля 2011 года является достаточным законным основанием для дальнейшего содержания. Он отметил, в частности, что заявитель должен оставаться в Центре содержания иностранных граждан «до его выдворения за пределы Российской Федерации». 24 января 2013 года Санкт-Петербургский городской суд оставил определение районного суда без изменения.

15. Письмом от 5 февраля 2013 года консульский отдел Посольства Республики Узбекистан проинформировал ФМС о том, что заявитель не является гражданином Республики Узбекистан, и поэтому ему не может быть выдан проездной документ. 25 марта 2013 года Министерство внутренних дел Республики Узбекистан направило в ФМС еще одно письмо, в котором было указано, что заявитель не является гражданином Республики Узбекистан.

16. 29 июля 2013 года заявитель был освобожден в связи с истечением двухлетнего срока, предусмотренного для исполнения постановления об административном выдворении.

Б. Условия содержания в Центре содержания иностранных граждан

17. Специальное учреждение временного содержания иностранных граждан расположено в Красном Селе, г. Санкт-Петербург; в период, относящийся к обстоятельствам дела, он был подведомственен ФМС.

18. В центре, представлявшем собой восьмизэтажное здание, предназначено для содержания 176 заключенных, на самом деле

Части 1.1 и 3 статьи 18.8 были введены Федеральным законом № 207-ФЗ от 23 июля 2013 года.

24. Часть 5 статьи 32.10 в редакции, действовавшей на момент вынесения постановления о помещении заявителя в Центр содержания иностранных граждан, позволяла национальным судам санкционировать помещение иностранных граждан и лиц без гражданства в соответствующие Центры в целях обеспечения возможности их административного выдворения. С 1 января 2012 года соответствующие положения содержатся в части 5 статьи 3.10 и в части 3 статьи 27.19.

Б. Прецедентная практика Конституционного Суда Российской Федерации

25. В своем постановлении № 6-П от 17 февраля 1998 года Конституционный Суд РФ постановил, в частности, следующее:

«Из статьи 22 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 55 (части 2 и 3) следует, что задержание на неопределенный срок не может рассматриваться как допустимое ограничение права каждого на свободу и личную неприкосновенность и, по сути, является умалением данного права. Поэтому ... положение ... о задержании на срок, необходимый для выдворения, не должно рассматриваться как основание для задержания на неопределенный срок даже тогда, когда решение вопроса о выдворении лица без гражданства может затянуться в силу того, что ни одно государство не соглашается принять выдворяемое лицо ... В противном случае задержание как необходимая мера по обеспечению выполнения решения о выдворении превращалось бы в ... вид наказания, не предусмотренный законодательством Российской Федерации и противоречащий указанным нормам Конституции Российской Федерации».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

26. Заявитель утверждал, что условия в специальном учреждении временного содержания иностранных граждан не соответствовали статье 3 Конвенции, которой предусмотрено следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Приемлемость жалобы

27. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35

Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

28. Власти признали факт нарушения статьи 3 Конвенции и заявили, что условия содержания заявителя в Центре содержания иностранных граждан не соответствовали действующим нормам.

29. Заявитель утверждал, что условия содержания в специальном учреждении временного содержания иностранных граждан, который был предназначен для кратковременного помещения сроком не более пятнадцати суток, и в котором он провел, несмотря на это, два года, были бесчеловечными и унижающими достоинство.

30. Статья 3, как неоднократно отмечал Суд, закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Конвенция категорически запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств или поведения жертвы нарушения Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 20 июля 2004 года по делу «Балог против Венгрии» (*Balogh v. Hungary*), жалоба № 47940/99, пункт 44; и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, пункт 119, ECHR 2000-IV). Суд неизменно подчеркивает, что для того, чтобы можно было установить факт нарушения, перенесенное страдание и унижение должно выходить за пределы неизбежного элемента страдания и унижения, связанного с данной формой правомерного обращения или наказания. Меры по лишению лица свободы часто включают в себя такой элемент. В соответствии со статьей 3 Конвенции государство должно принимать меры к тому, чтобы лицо содержалось под стражей в условиях, которые совместимы с уважением к человеческому достоинству, и чтобы формы и методы реализации этой меры не причиняли ему лишения и страдания в более высокой степени, чем тот уровень страданий, который неизбежен при лишении свободы (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*), жалоба № 30210/96, пункты 92–94, ECHR 2000-XI).

31. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что заявитель провел два года и десять дней в специальном учреждении временного содержания иностранных граждан, который, судя по всему, был предназначен для кратковременного содержания. Этим объясняется отсутствие в центре соответствующим образом оборудованных помещений. В камерах не было водопровода и

туалетов. Санузлов было явно недостаточно для имевшегося количества заключенных. Прогулки были нерегулярными и очень короткими. В связи с этим Суд напоминает о своей сложившейся прецедентной практике, согласно которой сам факт содержания заявителя в течение длительного периода времени в непригодной для этого камере, рассчитанной только на кратковременное содержание, свидетельствует о нарушении статьи 3 (см. постановления Европейского Суда по делам «Асланис против Греции» (*Aslanis v. Greece*), жалоба № 36401/10, пункт 38, от 17 октября 2013 года, вместе с имеющимися ссылками; «Купцов и Купцова против России» (*Kuptsov and Kuptsova v. Russia*), жалоба № 6110/03, пункты 69–72, от 3 марта 2011 года; «Христофоров против России» (*Khrystoforov v. Russia*), жалоба № 11336/06, пункты 23–27, от 29 апреля 2010 года; и «Щебет против России» (*Shchebet v. Russia*), жалоба № 16074/07, пункты 84–96, от 12 июня 2008 года).

32. Кроме того, специальное учреждение временного содержания иностранных граждан было постоянно переполнено. В течение первых полутора лет содержания заявителя он располагал менее чем двумя квадратными метрами личного пространства. В течение последних десяти месяцев его положение несколько улучшилось, а периоды переполненности, когда в камере площадью восемнадцать квадратных метров содержалось восемь человек, чередовались с периодами относительного соответствия нормам, когда в камере находилось только четверо заключенных. Однако последние периоды следует рассматривать с учетом практически отсутствовавших прогулок и нехватки санузлов. В предыдущих делах, где заявители располагали менее чем тремя квадратными метрами личного пространства, Суд приходил к выводу, что переполненность была достаточно серьезной для того, чтобы служить, в свою очередь, основанием для установления нарушения статьи 3 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 10 января 2012 года по делу «Ананьев и другие против России» (*Ananyev and Others v. Russia*), жалобы №№ 42525/07 и 60800/08, пункт 145).

33. Власти не оспаривали утверждения заявителя об условиях его содержания в Центре содержания иностранных граждан. Они также признали, что эти условия не соответствовали стандартам, предполагаемым статьей 3 Конвенции.

34. Суд считает, что заявитель был вынужден терпеть условия содержания, которые должны были причинять ему значительные психические и физические страдания, унижая его человеческое достоинство. Таким образом, условия его содержания представляли собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение по смыслу статьи 3 Конвенции, даже при отсутствии явного намерения унижить или оскорбить заявителя со стороны какого-либо национального

органа.

35. Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение статьи 3 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

36. Заявитель утверждал, что его содержание в Центре содержания иностранных граждан с целью выдворения было осуществлено в нарушение подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с его чрезмерной длительностью и очевидной невозможностью исполнения постановления о его выдворении в Узбекистан. В рамках пункта 4 статьи 5 Конвенции он также утверждал, что не имел возможности добиться судебного пересмотра вопроса о содержании его в специальном учреждении временного содержания иностранных граждан. В частях, применимых к настоящему делу, статья 5 гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче.

...

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным. ...»

А. Приемлемость жалобы

37. Суд отмечает, что в данной части жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

38. Во-первых, Суд рассмотрит вопрос о том, имелась ли возможность эффективного надзора за незаконным или произвольным помещением в специальное учреждение временного содержания иностранных граждан, и, во-вторых, вопрос о том, соответствовало ли содержание заявителя требованиям подпункта «f» пункта 1 статьи 5

Конвенции (см. постановления Европейского Суда по делам «Азимов против России» (*Azimov v. Russia*), жалоба № 67474/11, пункт 146 и далее, от 18 апреля 2013 года; «Лулед Массуд против Мальты» (*Louled Massoud v. Malta*), жалоба № 24340/08, пункт 29 и далее, от 27 июля 2010 года; и «Муминов против России» (*Muminov v. Russia*), жалоба № 42502/06, пункт 112 и далее, от 11 декабря 2008 года).

1. Вопрос о соблюдении требований пункта 4 статьи 5 Конвенции

39. Власти признали факт нарушения пункта 4 статьи 5.

40. Заявитель утверждал, что законодательством Российской Федерации не предусматривается возможность полноценного судебного пересмотра вопроса помещения лица в специальное учреждение временного содержания иностранных граждан, задержанного в целях обеспечения возможности его административного выдворения (для сравнения он сослался на постановление Европейского Суда от 26 ноября 2009 года по делу «Табеш против Греции» (*Tabesh v. Greece*), жалоба № 8256/07, пункт 62). Такое содержание может длиться до двух лет, однако периодического судебного пересмотра данного вопроса не предусмотрено. Отказ в удовлетворении его ходатайств о пересмотре этого вопроса был дан сначала Сестрорецким городским судом, а затем и Красносельским районным судом после рассмотрения указанных ходатайств в порядке упрощенного производства. В обоих случаях Санкт-Петербургский городской суд оставил решения нижестоящих судов без изменения.

41. Суд напоминает, что цель пункта 4 статьи 5 Конвенции состоит в том, чтобы гарантировать лицам, которые были задержаны и помещены в специальные учреждения временного содержания иностранных граждан, право на судебный контроль правомерности примененной к ним меры. В период содержания лица ему должно быть доступно средство правовой защиты, которое может гарантировать данному лицу безотлагательный судебный пересмотр вопроса о правомерности содержания его в специальном учреждении временного содержания иностранных граждан. Пересмотр этого вопроса должен по возможности вести к освобождению лица из специального учреждения временного содержания иностранных граждан. Существование средства правовой защиты, предусмотренного пунктом 4 статьи 5 Конвенции, должно быть достаточно явным не только в теории, но и на практике, так как в противном случае оно не будет обладать доступностью и эффективностью, требуемыми по смыслу данного положения (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Муминов против России», пункт 113, и постановление Европейского Суда от 24 апреля 2008 года по делу

«Исмоилов и другие против России» (*Ismoilov and Others v. Russia*), жалоба № 2947/06, пункт 145, а также содержащиеся в нем ссылки).

42. Прежде всего, Суд отмечает, что нельзя сказать, что судебный пересмотр первого постановления о помещении его в специальное учреждение временного содержания иностранных граждан от 19 июля 2011 года, был произведен, как того требует пункт 4 статьи 5. Суть жалобы заявителя на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции заключалась не в оспаривании первого постановления о помещении его в специальное учреждение временного содержания иностранных граждан, а в отсутствии у него возможности добиться судебного пересмотра вопроса о его помещении по истечении определенного времени. С учетом того, что заявитель провел в специальном учреждении временного содержания иностранных граждан более двух лет, за это время могли возникнуть новые вопросы, влияющие на правомерность помещения в Центр временного содержания заявителя. В частности, заявитель пытался доказать в судах, что его помещение в Центр временного содержания утратило законный характер после того, как выяснилось, что выслать его в Узбекистан невозможно. В силу пункта 4 статьи 5 заявитель имел право обратиться с ходатайством в компетентный «суд» для «безотлагательного» решения вопроса о том, можно ли считать ограничение его свободы «правомерным» в свете новых факторов, возникших уже после вынесения первого постановления о помещении его в Центр содержания иностранных граждан (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Азимов против России», пункты 151–152, а также содержащиеся в нем ссылки).

43. Суд отмечает, что в течение всего двухлетнего срока, проведенного заявителем в заключении, автоматического периодического продления срока помещения его в Центр временного содержания, равно как и судебного пересмотра данного вопроса, не производилось. Попытки заявителя добиться любой формы пересмотра этого вопроса также были безрезультатными: два районных суда и Санкт-Петербургский городской суд отказались рассмотреть по существу его жалобу на неправомерность помещения его в Центр временного содержания, установив отсутствие необходимости в изменении меры пресечения и пересмотре вопроса о его правомерности ввиду новых обстоятельств. Наконец, Суд отмечает, что в деле «Азимов против России», в котором была предъявлена аналогичная жалоба, Власти не указали никаких положений национального законодательства, которые могли бы позволить заявителю обратиться в суд с требованием о судебном пересмотре вопроса его содержания с целью обеспечения возможности его выдворения (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Азимов против России», пункт 153); в данном случае Власти также признали факт нарушения пункта 4 статьи 5.

44. Следовательно, на протяжении всего срока помещения заявителя в Центр временного содержания с целью обеспечения возможности его выдворения он не имел в своем распоряжении никакой процедуры, которая позволила бы ему добиться судебного пересмотра вопроса о правомерности помещения его в Центр временного содержания.

45. Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

2. Вопрос о соблюдении требований пункта 1 статьи 5 Конвенции

46. Власти признали факт нарушения подпункта «f» пункта 1 статьи 5 в отношении периода времени после 5 февраля 2013 года, т.е. дня, когда письмом Посольства Республики Узбекистан была подтверждена невозможность высылки заявителя в Узбекистан. Что касается предшествующего периода, Власти утверждали, что длительность помещения заявителя в Центр временного содержания объясняется «объективной причиной», а именно отсутствием какой-либо информации со стороны Посольства Республики Узбекистан. При осуществлении процедуры высылки национальные власти проявили «особую тщательность».

47. Заявитель утверждал, что российские власти осуществляли процедуру высылки без должной тщательности. Отсутствие должной тщательности с их стороны было продемонстрировано на нескольких примерах. Во-первых, ими не было принято никаких мер к тому, чтобы связаться с узбекскими властями в течение первых четырех месяцев и одиннадцати дней помещения его в Центр временного содержания. Во-вторых, российские власти направили в Посольство Республики Узбекистан в г. Москве не менее четырех писем, однако первый ответ был получен спустя больше одного года и двух месяцев после отправки первого письма. В-третьих, после 5 февраля 2013 года, когда российским властям уже было известно о том, что заявитель не является гражданином Республики Узбекистан, для помещения его в Центр временного содержания не было никаких оснований. Наконец, заявитель указал, что его помещения в Центр временного содержания с целью обеспечения возможности его выдворения: таким образом, процедура высылки не была сложной, и было необходимо разрешить только один вопрос: готово и способно ли принять его хоть одно государство.

48. Заявитель был помещен в Центр временного содержания с целью обеспечения возможности его выдворения за пределы Российской Федерации, которое является одной из форм «депортации» с точки зрения подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Азимов

против России», пункт 160). Соответственно, вопрос о лишении заявителя свободы подпадал под сферу действия подпункта «f» пункта 1 статьи 5.

49. Подпункт «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции не требует наличия достаточных оснований полагать, что содержание лица под стражей является необходимым, к примеру, для того, чтобы предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться. Тем не менее, в соответствии со второй частью подпункта «f» пункта 1 статьи 5 любое лишение свободы будет оправданным только до тех пор, пока рассматривается вопрос о депортации или экстрадиции. Если такие действия не осуществляются с должной тщательностью, содержание под стражей перестает быть дозволенным с точки зрения подпункта «f» пункта 1 статьи 5 (см. постановление Европейского Суда от 15 ноября 1996 года по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (*Chahal v. the United Kingdom*), пункт 113, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1996-V). Чтобы содержание под стражей, осуществляющееся на основании подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, нельзя было назвать произвольным, оно должно осуществляться добросовестно; при этом оно должно быть тесно связано с тем основанием для помещения в Центр содержания иностранных граждан, на которое ссылались Власти; место и условия содержания должны быть приемлемыми; а продолжительность не должна превышать срока, обоснованно необходимого для достижения преследуемой цели (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А. и другие против Соединенного Королевства» (*A. and Others v. the United Kingdom*), жалоба № 3455/05, пункт 164, ECHR 2009).

50. Суд отмечает, что общий срок, в течение которого заявитель был помещен в Центр временного содержания в целях обеспечения возможности исполнения постановления о его выдворении, составил два года и десять дней. По-видимому, единственное, что сделали российские власти в течение этого времени — это направили в Посольство Республики Узбекистан в г. Москве пять писем с просьбой выдать заявителю проездной документ. Российские власти действительно не могли заставить посольство выдать такой документ. Тем не менее, ничто не свидетельствует о том, что они активно занимались этим вопросом или пытались вступить в переговоры с узбекскими властями с целью ускорения его выдачи (сравн. с постановлениями Европейского Суда по делам «Ами и другие против Болгарии» (*Amie and Others v. Bulgaria*), жалоба № 58149/08, пункт 77, от 12 февраля 2013 года; «Раза против Болгарии» (*Raza v. Bulgaria*), жалоба № 31465/08, пункт 73, от 11 февраля 2010 года; «Табеш против Греции», указано выше, пункт 56; и «Лулед Массуд против Мальты», указано выше, пункт 66).

51. Суд особенно обеспокоен тем фактом, что российские власти направили свое первое письмо в Посольство Республики Узбекистан спустя более четырех месяцев после помещения заявителя в Центр временного содержания. Указанное письмо касалось заявителя и двенадцати других лиц, которые предположительно являлись гражданами Республики Узбекистан. Несмотря на то, что для удобства административной работы может требоваться групповая обработка аналогичных запросов, поданных при различных обстоятельствах, тот факт, что заявитель находился в заключении, требовал особой тщательности со стороны властей, а четырехмесячная задержка представляла собой явное нарушение этого требования (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Табеш против Греции», пункт 56, в котором власти бездействовали на протяжении трех месяцев).

52. После получения письма от узбекских властей от 5 февраля 2013 года российским властям стало известно о том, что выдворение заявителя в Узбекистан уже не являлось реальной перспективой, поскольку он не был гражданином данного государства. Власти не представили доказательств, подтверждающих факт принятия каких-либо мер в целях обеспечения приема заявителя каким-либо третьим государством. Ничто не свидетельствует о том, что они попросили его указать такую страну, или что они предприняли какие-либо меры для того, чтобы исследовать эту возможность по своей собственной инициативе (сравн. с вышеуказанным постановлением Европейского Суда по делу «Ами и другие против Болгарии», пункт 77). Суд напоминает, что помещение в Центр содержания иностранных граждан с целью депортации заявителя нельзя считать осуществленным в том случае, если депортация уже невозможна (см. постановление Европейского Суда от 8 октября 2009 года по делу «Миколенко против Эстонии» (*Mikolenko v. Estonia*), жалоба № 10664/05, пункты 64–65). Это также признали Власти государства-ответчика.

53. Суд также напоминает, что национальные власти обязаны рассмотреть вопрос о том, является ли выдворение реальной перспективой, и является ли с самого начала помещение заявителя в Центр временного содержания с целью обеспечения возможности выдворения оправданным, или продолжает ли оно являться таковым (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Ами и другие против Болгарии», пункт 77, и вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Лулед Массуд против Мальты», пункт 68). При таких обстоятельствах решающее значение приобретает необходимость наличия процессуальных гарантий. Тем не менее, Суд уже установил, что заявитель не имел в своем распоряжении никаких эффективных средств правовой защиты, с помощью которых он мог бы оспорить правомерность и продолжительность помещения его в

Центр временного содержания, а Власти не указали никаких других нормативных или практических гарантий. Следовательно, правовая система Российской Федерации не предусматривает процедуры, способной предотвратить риск произвольного помещения в Центр временного содержания с целью выдворения (см. постановления Европейского Суда по делам «Азимов против России», указано выше, пункты 153–54; «Лулед Массуд против Мальты», указано выше, пункт 71, и, *mutatis mutandis*, «Солдатенко против Украины» (*Soldatenko v. Ukraine*), жалоба № 2440/07, пункт 114, от 23 октября 2008 года). Не имея вышеупомянутых средств правовой защиты, заявитель провел в заключении весь период, предусмотренный российским законодательством для исполнения постановления о выдворении, т.е. два года.

54. Суд обеспокоен особенно уязвимым положением заявителя. Как лицо без гражданства он не мог воспользоваться консульской помощью и консультациями, которые обычно предоставляются дипломатическим персоналом страны гражданства лишенного свободы лица. Кроме того, судя по всему, он не имеет финансовых средств или семейных связей в России, поэтому он должен был испытывать значительные затруднения при найме законного представителя и общении с ним. Национальные власти, по-видимому, не проявили никакой инициативы по ускорению хода процедуры высылки и обеспечению эффективной защиты его права на свободу, хотя постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 1998 года может быть истолковано как прямо требующее этого от них (см. пункт 25 выше). В результате заявитель был попросту оставлен запертым в камерном помещении на долгие месяцы, тогда как органы власти не проявляли активной заинтересованности в его судьбе.

55. Наконец, Суд напоминает, что в соответствии с КоАП РФ максимальный срок административного ареста за совершение административного правонарушения составляет тридцать суток (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Азимов против России», пункт 172), и что помещение в Центр временного содержания с целью высылки не должно носить карательный характер и при этом должно сопровождаться предоставлением соответствующих гарантий, установленных Конституционным Судом Российской Федерации (см. пункт 25 выше). В данном случае мера «пресечения», с точки зрения ее суровости, была гораздо более суровой, чем мера «наказания», а это ненормально (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Азимов против России», пункт 172).

56. Вышеизложенные факты Суд считает достаточными для утверждения о том, что основания для помещения в специальное учреждение временного содержания иностранных граждан — меры, принимавшейся для обеспечения его высылки — не оставались

действительными в течение всего периода его содержания, поскольку реальные перспективы его высылки отсутствовали, а национальные власти уклонялись от осуществления данной процедуры с должной тщательностью.

57. Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

58. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

59. Заявитель просил Суд определить размер компенсации морального вреда. Не имея документов, удостоверяющих личность, и банковского счета, он просил Суд распорядиться о перечислении любых присужденных сумм на банковский счет его представителя О. Цейтлиной.

60. Власти сочли, что установление факта нарушения само по себе является справедливой компенсацией.

61. Суд присуждает заявителю в качестве компенсации морального вреда 30 000 евро плюс налог, которым может облагаться данная сумма.

Б. Судебные расходы и издержки

62. Заявитель также требовал присудить ему 1 070 евро в качестве компенсации расходов по оплате услуг двух представителей, к которым он обращался в ходе судебных разбирательств на внутригосударственном уровне и в Европейском Суде.

63. Власти утверждали, что заявитель не представил подтверждающих документов.

64. В соответствии с прецедентной практикой Суда заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно имели место, были необходимы и являлись разумными с точки зрения их размера. В данном случае, принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и вышеуказанные критерии, Суд считает разумным присудить заявителю требуемую

сумму, то есть 1 070 евро, покрывающую все расходы, плюс налог, которым может облагаться данная сумма.

В. Процентная ставка при просрочке платежей

65. Суд считает справедливым установить пеню за просрочку платежа в размере, равном предельной годовой процентной ставке Европейского центрального банка, плюс три процентных пункта.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 46 КОНВЕНЦИИ

66. Статья 46 Конвенции гласит:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами.

2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением».

67. Суд напоминает, что в соответствии со статьей 46 Конвенции Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами; при этом надзор за исполнением таких постановлений осуществляется Комитетом министров. Отсюда следует, помимо прочего, что постановление, в котором Суд устанавливает нарушение Конвенции либо Протоколов к ней, налагает на государство-ответчика правовое обязательство не только по выплате в пользу соответствующих лиц каких-либо сумм, присужденных в порядке справедливой компенсации, но и по выбору, под надзором Комитета Министров, мер общего и/или, при необходимости, индивидуального характера в рамках его национальной правовой системы для устранения нарушения, установленного Судом, а также максимально возможного устранения его последствий.

68. В настоящем деле было выявлено нарушение некоторых из основных прав, закрепленных в Конвенции — запрета на применение жестокого обращения и права на свободу, — которое не было предотвращено за счет внутренних средств правовой защиты. Ситуация, подобная данной, возникала и в деле трех лиц без гражданства цыганского происхождения, которые провели почти год в том же Центре содержания иностранных граждан в г. Санкт-Петербурге в ожидании административного выдворения за пределы Российской Федерации, не имея возможности добиться судебного пересмотра вопроса их содержания. Производство по этому делу было прекращено путем заключения мирового соглашения, в рамках которого Власти обязались выплатить заявителям денежную компенсацию (см. решение Европейского Суда от 7 июня 2011 года

«Лакатош и другие против России» (*Lakatosh and Others v. Russia*), жалоба № 32002/10). В деле «Азимов против России» и в последующих делах Суд установил нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с тем, что в течение срока содержания заявителей в Центре содержания иностранных граждан с целью обеспечения возможности их выдворения они не имели в своем распоряжении никакой процедуры судебного пересмотра вопроса о его правомерности с учетом новых факторов, возникших после принятия решения об их первоначальном помещении в Центр (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Азимов против России», пункты 153–154).

69. В принципе, Суд не должен определять возможные целесообразные меры возмещения вреда, которые должно принять государство-ответчик в соответствии со своими обязательствами, вытекающими из статьи 46 Конвенции. Тем не менее, в целях содействия государству-ответчику в выполнении его обязательств, вытекающих из статьи 46, Суд может указать тип мер индивидуального и/или общего характера, которые могут быть приняты для того, чтобы положить конец ситуации, существование которой было установлено Судом (см. постановления Европейского Суда по делам «Станев против Болгарии» (*Stanev v. Bulgaria*) [GC], жалоба № 36760/06, пункт 255, от 17 января 2012 года; «Скоппола против Италии (№ 2)» (*Scoppola v. Italy (no. 2)*) [GC], жалоба № 10249/03, пункт 148, ECHR 2009; и «Брониовский против Польши» (*Broniowski v. Poland*) [GC], жалоба № 31443/96, пункт 194, ECHR 2004–V). Задачей Суда является содействие быстрому и эффективному устранению сбоев в национальной системе защиты прав человека. В связи с этим Суд считает, что при исполнении настоящего постановления на национальном уровне, несомненно, должны быть приняты меры общего характера (см. постановление Европейского Суда по делу «Дриза против Албании» (*Driza v. Albania*), жалоба № 33771/02, пункт 125, ECHR 2007-V (выдержки), и вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Лулед Массуд против Мальты», пункт 47).

А. Меры общего характера, принимаемые для предотвращения аналогичных нарушений

70. В связи с установлением факта нарушения пункта 4 статьи 5 в настоящем деле Суд считает, что он должен указать меры общего характера, необходимые для предотвращения других аналогичных нарушений в будущем. Суд установил нарушение пункта 4 статьи 5 в связи с тем, что заявитель, который был помещен в Центр временного содержания в ожидании своего выдворения за пределы Российской

Федерации, не имел возможности обратиться в суд с требованием о рассмотрении вопроса о правомерности такого постановления и его освобождении в случае необоснованности его дальнейшего содержания (см. пункт 43 выше).

71. Таким образом, Суд считает, что государство-ответчик, прежде всего, должно с помощью соответствующих правовых и/или иных мер обеспечить наличие в его внутренней правовой системе механизма, позволяющего заключенным обращаться в суд с требованием о рассмотрении вопроса о правомерности помещения в Центр временного содержания в ожидании выдворения при появлении новых обстоятельств в деле о выдворении. Суд напоминает, что, хотя процедура, предусмотренная пунктом 4 статьи 5 Конвенции, не всегда должна сопровождаться теми же гарантиями, наличия которых требует пункт 1 статьи 6 Конвенции при рассмотрении уголовных дел или гражданско-правовых споров, она тем не менее должна носить судебный характер и предусматривать гарантии, соответствующие рассматриваемому виду лишения свободы (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «А. и другие против Соединенного Королевства», пункт 203, и постановление Большой Палаты Европейского Суда от 22 мая 2012 года по делу «Идалов против России» (*Idalov v. Russia*), жалоба № 5826/03, пункт 161).

72. Суд также установил нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с необоснованно продолжительным помещением заявителя в Центр временного содержания. В связи с этим Суд рекомендует государству-ответчику предусмотреть необходимые меры общего характера по ограничению сроков помещения нарушителей помещен в Центр временного содержания периодом действия оснований для такого помещения, применимым к случаям нарушения миграционного законодательства (см. пункт 55 выше, постановление Европейского Суда от 23 июля 2013 года по делу «Сусо Муса против Мальты» (*Suso Musa v. Malta*), жалоба № 42337/12, пункт 123, и постановление Конституционного Суда РФ № 6-П, указанное в пункте 25 выше).

Б. Меры по защите интересов заявителя

73. Суд отмечает, что, помимо отсутствия у заявителя гражданства, последний, судя по всему, не имеет определенного места жительства и документов, удостоверяющих личность. В связи с этим Суд обеспокоен тем, что после освобождения заявителя его положение осталось незаконным с точки зрения российского миграционного законодательства. Таким образом, он рискует вновь подвергнуться

преследованию по статье 18.8 Кодекса РФ об административных правонарушениях, содержание которой приведено в пункте 23 выше.

74. Таким образом, Суд убежден в том, что Власти Российской Федерации должны воспользоваться необходимыми инструментами и процедурами для недопущения повторного задержания заявителя и его помещение в Центр содержания иностранных граждан за правонарушения, обусловленные тем, что он является лицом без гражданства. С учетом разнообразия имеющихся средств достижения этой цели и характера рассматриваемых вопросов, Комитет министров располагает более широкими возможностями по сравнению с Судом для оценки конкретных необходимых мер индивидуального характера. Таким образом, надзор — на основании информации, предоставленной государством-ответчиком и с учетом изменяющейся ситуации заявителя — за принятием практически осуществимых, своевременных, адекватных и достаточных мер по обеспечению максимально возможной компенсации за установленные Судом нарушения, следует оставить на усмотрение Комитета Министров (см. постановление Европейского Суда по делу «Савриддин Джураев против России» (*Savriddin Dzhurayev v. Russia*), жалоба № 71386/10, пункт 255, ECHR 2013 (выдержки)).

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Признал* жалобу приемлемой;
2. *Постановил*, что по настоящему делу было допущено нарушение статьи 3 Конвенции;
3. *Постановил*, что по настоящему делу было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции;
4. *Постановил*, что по настоящему делу было допущено нарушение подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции;
5. *постановил*:
 - (а) что в течение трех месяцев, начиная со дня вступления постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, государство-ответчик обязано выплатить заявителю нижеприведенные суммы с последующим переводом в валюту государства-ответчика по курсу на день выплаты и перечислением этих сумм на банковский счет О. Цейтлиной:

- (i) 30 000 (тридцать тысяч) евро, плюс налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве компенсации морального вреда;
- (ii) 1 070 (одна тысяча семьдесят) евро, плюс налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;
- (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока для выплаты компенсации на вышеуказанные суммы за весь период просрочки начисляется пеня размере, равном предельной годовой процентной ставке Европейского центрального банка, плюс три процентных пункта;

Совершено на английском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 17 июля 2014 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Изабелла Берро-Лефевр
Председатель